

— Я схожу попить воды.

— Опять? Ты уже несколько раз ходил. Успокойся.

— Нет, мне кажется, у меня голос сорвется. Я не могу допустить, чтобы это случилось на нашей первой встрече.

— Если не хочешь бегать в туалет посреди разговора, то подожди.

— Да, наверное, ты прав. Тогда я очень быстро сбегаю.

Чжухо пытался успокоить Соквана. Они ждали Джинджер перед большим книжным магазином в Кванхвамуне. Она ответила на следующий день после того, как он отправил ей свое честное письмо. В отличие от предыдущего, оно было написано на английском языке. Чжухо перевел. Хотя она казалась смущенной, она понимала. Сокван написал, что ей не нужно было видеться с ним, если она не чувствовала себя при этом комфортно, но она не отменила их планы.

— Как думаешь, как все пройдет?

— Я не уверен, — спокойно ответил Чжухо.

— Я уверен, что это конец, — сказал Сокван.

— Может быть, чувств? — ответил Чжухо, пристально глядя на него.

Сокван взъерошил ему волосы и посмотрел вверх.

— Пока у меня это есть, я наслажусь им сполна.

При этом он сосредоточился на поддержании своего духа. Он попытался сосредоточиться на том, чтобы быть обычным подростком, который с нетерпением ждет встречи с девушкой, и Чжухо больше ничего не сказал.

Не получив никаких объяснений, члены клуба странно посмотрели на него.

— Ты окончательно сошел с ума? — сказала Сунхва.

— Я чувствую, что приближаюсь. Как прекрасен мир, в котором мы живем.

Сунхва не могла подобрать слов. Вместо этого она постучала Чжухо по руке.

— Не спрашивай меня, — сказал он.

— Не пиши что-нибудь вроде «Я не позволю, чтобы капля воды коснулась вашей руки», — сказал Мун после прочтения сочинения Соквана.

В отличие от Чжухо, который посмеивался, Сокван с яркой улыбкой ответил:

— Да, мистер Мун!

Он был храбрым парнем.

— Мне нужно что-нибудь еще? Должен ли я иметь книгу в руке или что-то в этом роде?

— Нет, ты в порядке такой, какой есть.

— Да? А как насчет моих волос? Может, стоит нанести лак?

— Нет, ты в порядке.

Он, должно быть, спросил что-то подобное уже несколько сотен раз. Сокван лихорадочно поправлял волосы и приводил себя в порядок. Тем временем Чжухо похлопал его по напряженной, жесткой спине.

— У тебя все хорошо. Просто будь собой, — сказал он.

— Сейчас для меня это самое сложное, — ответил он, вытирая потную ладонь о штаны. — Не думаю, что я так нервничал из-за встречи с кем-то. Было бы не так плохо, даже если бы я встретил самого Бога.

— Это не хорошо.

— Я не верующий, но я чувствую, что сейчас самое подходящее время, чтобы уверовать, — сказал он, и Чжухо помолился, чтобы он не совершил ошибку перед Джинджер.

— Как мое дыхание? Я три раза почистил зубы. Хочешь понюхать?

— Эй, отодвинься, — сказал Чжухо, отталкивая Соквана.

— Попробуй сделать глубокий вдох. Ты устанешь еще до того, как увидишь ее.

— Я в порядке. Даже слишком. Я не сомкнул глаз прошлой ночью, но почему я даже не чувствую усталости?

— Наверное, потому что ты взволнован, — пробормотал Чжухо.

Казалось, что Чжухо придется еще пару сотен раз поговорить с другом, прежде чем появится Джинджер. Он огляделся по мере приближения времени. Она сказала, что на ней будет зеленый кардиган, но он еще не видел никого в таком.

— Разве это не поражает? — сказал Сокван более спокойным голосом.

— Что такое?

— Что я влюбился в кого-то, кого даже не встречал? Писать — это потрясающе. Это передает эмоции такими, какие они есть. Это отличается от разговора.

Чжухо молча кивнул.

Писать действительно было потрясающе. Это заставило книжного червя влюбиться в девушку. Будучи таким тактичным студентом, Сокван написал ей на неуклюжим английском и с неуклюжим настроением.

— Я собираюсь извиниться, когда увижу ее. На этот раз лично.

— Я уверен, она простит тебя.

— Тогда я признаюсь. Я скажу ей, что она мне все еще нравится. Не как двадцатипятилетний Хонсам, а как семнадцатилетний Сокван, — сказал он решительно и добавил: — Я уверен, она откажет, но, по крайней мере, это будет сказано лично.

Чжухо подумал о ее электронных письмах. В ее ответе было прощение. Она не отменила их планов и сказала, что понимает его. Затем она в шутку сказала в конце: «Думаю, теперь тебе нужно обращаться ко мне официально».

Как человек, глубоко интересующийся корейской культурой, она, должно быть, понимала важность формального разговора. Между ними была бы дистанция, как у нуны и донсэна — старшей «сестры» и младшего «брата». Вещи никогда не вернутся к тому, что было, когда они

будут разговаривать друг с другом как люди одного возраста.

Сокван и Чжухо оба поняли это, как только увидели это предложение в электронном письме. В конце концов, у Соквана был такт. Тем не менее, он настоял на том, чтобы выйти и встретиться с ней. Чтобы еще раз получить отказ. Признаться ей еще раз.

— Я куплю тебе жареного цыпленка. Дай мне знать, когда закончишь, — тихо сказал Чжухо.

Лицо Соквана впервые сморщилось.

— Нет, спасибо. У меня такое чувство, что меня будут преследовать плохие воспоминания, если я снова съем жареного цыпленка. Я слишком люблю его. Пока не отказался, лучше купи мне пиццу.

Чжухо кивнул, хотя и был немного сбит с толку. «Если это то, что ты хочешь».

— Хорошо. Что бы это ни было, я позволю тебе есть сколько душе угодно. Удачи! — сказал он.

В этот момент Сокван увидел идущую к нему иностранку с каштановыми волосами в зеленом кардигане. «Должно быть, это она», — подумал он, как будто знал лицо своей возлюбленной. Это была Джинджер.

— У меня будет лучший день в моей жизни, — сказал он, делая шаг вперед.

Он все еще нервничал. Оставив свое беспокойство позади, Сокван подошел к ней. Чжухо наблюдал за их разговором на расстоянии. Сокван делал преувеличенные движения.

— Первая любовь.

Он слабо улыбнулся при звуке этих горько-сладких слов и подумал о волнении, отраженном на лице Соквана. Затем он достал из кармана небольшой блокнот. Там была мать с двумя детьми.

«Любовь. Должно быть, она испытала это в какой-то момент своей жизни. Должно быть время, когда она впервые встретила свою любовь». Он почувствовал, как мрачная, агрессивная внешность женщины немного смягчилась.

В издательстве был напряженный день. Люди работали в окружении книг. Они читают сотни страниц черновиков, поддерживая связь с авторами и выбирая дизайн обложек книг. Среди деловой суеты Намгён писал электронное письмо людям, которые проявили интерес к

экранизации книги Чжухо.

Авторы нередко отказывались от предложений экранизации. У каждого автора была причина не хотеть, чтобы по его книге был снят фильм. Чжухо был таким же. Он принял решение, потому что у него было свое мнение как у автора.

Работа Намгёна как редактора в тот момент заключалась в том, чтобы уважать мнение автора.

Он просмотрел бесчисленные входящие предложения, которые он отверг. Среди них были имена известных студий и режиссеров.

Сан Ёнджу.

Его рука внезапно остановилась, когда он прокрутил список вниз. Он услышал это имя из кинопросмотра, который транслировался каждое воскресенье. В выпуске той недели они представили режиссеров.

Намгён не обратил на это особого внимания, даже когда по телевизору показывали кульминационную сцену одного из фильмов Сан Ёна. До этого он никогда не слышал ни об этом имени, ни о его фильмах.

Однако, хотя он никогда не собирал миллионы зрителей и не был приглашен на кинофестиваль, его фильмы были просто великолепны.

— Почему он еще не известен? — Это был первый вопрос Намгёна, когда он посмотрел один из фильмов.

«Должно быть время. Это вопрос времени, когда он расправит крылья как режиссер», — подумал он.

Жаль, что он отказался от такого талантливого режиссера. Он не осознавал этого, когда писал директору, но сожаление наконец настигло его.

«Может быть, мне стоит снова попытаться сообщить об этом Чжухо», — сказал он и полез в карман, чтобы найти телефон, но тот был пуст. «Куда я положил свой телефон?» — подумал он, глядя на свой захламленный стол. Из-за этого он полностью пропустил разговор между своими коллегами.

— Снаружи какой-то странный человек.

— Странный человек?

— Я не уверен, но, видимо, он просто неподвижно сидит перед зданием.

— Может быть, нам позвонить в полицию?

— Я уверен, что служба безопасности позаботится о нем.

— Я собираюсь выучить английский, — сказал Сокван, засовывая в рот кусок пиццы. Его речь была абсолютно неразборчива, но Чжухо каким-то образом смог понять.

— Почему? — спросил Чжухо, потягивая кока-колу.

— Я дал обещание.

— Какое обещание? — спросил он, яростно жуя. В конце концов, возможно, мир и не был таким прекрасным местом.

— Что я действительно собираюсь навестить ее в том году, когда мне исполнится двадцать пять.

— Значит, вы двое решили остаться друзьями?

— Ага! Друзья! Во френдзоне! — сердито сказал он, отхлебывая свою колу. Он почти выглядел так, будто пил алкоголь. — Когда я встретил ее, она поприветствовала меня на корейском языке. Итак, я поздоровался с ней в ответ.

Она сделала это неофициально, но он, как и было условлено, обратился к ней формально. Они оба были искренни в своих обещаниях.

Он ткнул сыр, вытянувшийся из пиццы, и сказал:

— Вот почему я собираюсь выучить английский язык и сообщить ей, что я чувствую.

— Что?

— Привет*, — сказал он с озорной улыбкой. Как и Джинджер, он собирался поздороваться с ней на ее родном языке, когда ему исполнится двадцать пять лет.

П.п.: Он использовал неофициальное приветствие, плюс на английском, а не корейском.

— Это не совсем официально.

— Я знаю.

— Тогда ладно.

Никто не обещал, что он действительно сможет связаться с ней, когда ему исполнится двадцать пять. К тому времени его сердце могло измениться. К тому времени она может с кем-то встречаться. Тем не менее, он решил, что собирается выучить английский язык и навестить ее. Чжухо ничего не оставалось, кроме как болеть за своего друга.

— Где ты выучил английский?

— Я самоучка, — ответил он, пожав плечами.

— Ты так можешь?

— Я уверен, что это зависит от человека.

— Ты так бесишь.

— Ха-ха!

Какое-то время Чжухо приходилось выдерживать критику со стороны Соквана.

— Однажды я превзойду тебя, — сказал он с необъяснимой решимостью. Должно быть, он опьянел от своей колы.

— Ты сказал, что дал ей книгу, верно? Что это была за книга? — Чжухо сменил тему, поднося чашку ко рту.

— След птицы.

Чжухо чуть не выплюнул свой напиток.

— Почему? — спросил он, едва проглотив напиток.

— Ну, это хорошая книга. И...

— И?

— Она фанатка... У Ёна... — пробормотал он, словно жалуясь.

— Хочешь еще еды? — спросил Чжухо. Ему почему-то стало жаль его.

— Знаешь что? Я приму твоё предложение. Сегодня вечером я хорошо так поем. Я внесу свою лепту, так что давай поедим вместе.

Заказав еще одну порцию пиццы вместе с разными гарнирами, они пошли домой с коробками остатков. Конечно, Чжухо заплатил за все.

Первая любовь Соквана пришла к своему горько-сладкому концу, когда он прогуливался по парку, чтобы быстрее все переварить. На следующий день он сразу же подал заявку на конкурс.

<http://tl.rulate.ru/book/27516/2782666>